

УДК 343.272

DOI 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).3.263-268

ВЕРА АЛЕКСАНДРОВНА КАЗАКОВА,

доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин
Института международного права и правосудия,
Московский государственный лингвистический университет,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: vera1313@yandex.ru;

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ ИНШАКОВ,

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры национальной безопасности
и правоохранительной деятельности
Института международного права и правосудия,
Московский государственный лингвистический университет,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: insmi@yandex.ru

КОНФИСКАЦИЯ ИМУЩЕСТВА КАК МЕРА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Для цитирования

Казакова, В. А. Конфискация имущества как мера противодействия коррупции / В. А. Казакова, С. М. Иншаков // Уголовно-исполнительное право. – 2019. – Т. 14(1–4), № 3. – С. 263–268. – DOI : 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).3.263-268.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению правовой природы конфискации имущества. Анализируется законопроект о внесении изменений в регламентацию этого вида уголовно-правового воздействия. Приводится зарубежный опыт использования конфискации имущества в борьбе с коррупцией. Анализ правовой природы этого уголовно-правового института, а также изучение правоприменительной практики (как отечественной, так и зарубежной) показали, что конфискация в качестве дополнительного наказания могла бы стать действенной мерой. В условиях сокращения применения лишения свободы за экономические преступления все остальные наказания не смогут эффективно играть предупредительную роль и противостоять искушению быстрого и надежного преступного обогащения в качестве прочного основания обеспечения незыблемым капиталом себя и своих близких. Только риск в одночасье его потерять, а в результате и полностью утратить свой социальный статус может остановить коррупционера и разрушить финансовый фундамент организованной преступной деятельности.

© Казакова В. А., Иншаков С. М., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Ключевые слова: конфискация имущества, специальная конфискация, коррупция, антикоррупционная политика, наказание.

С тех пор как уголовное наказание в виде конфискации имущества в 2003 г. утратило силу, не стихают споры юристов о правовой природе и месте конфискации имущества среди мер воздействия на лиц, совершивших преступления. Специалисты единодушны в выводе о том, что «новый институт конфискации ограничивает возможность изъятия денег, ценностей и иного имущества до такой степени, что коррупционное поведение, как и ранее, остается выгодным и прибыльным занятием» [1, с. 132]. Ученые оценивают это как ошибку законодателя, допущенную под давлением лиц, прикосновенных к коррупции, которым конфискация явно мешала [2, с. 25].

Как известно, 27 июля 2006 г. Федеральным законом № 153-ФЗ УК РФ был дополнен гл. 15.1 «Конфискация имущества». При этом конфискация как институт уголовного права поменяла свою юридическую природу.

Возврат к конфискации имущества был обусловлен требованиями международных конвенций, в частности ряда конвенций ООН: против коррупции, против транснациональной организованной преступности, о борьбе против незаконного оборота наркотиков, наркотических средств и психотропных веществ, Конвенции Организации экономического сотрудничества и развития о борьбе с подкупом иностранных государственных служащих в международных деловых сделках, Конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности.

Многие специалисты не согласны с таким решением законодателя, полагая, что к иным мерам скорее относятся виды освобождения от ответственности и наказания, предусмотренные ст. 72.1–85, 90, 92, 104.4, 104.5 УК РФ, так как все принципиальные положения уголовного закона ориентируют на возможность воздействия на преступника лишь с помощью наказания или иных мер, которые применяются вместо него или вместе с ним.

Принудительные меры медицинского характера, объединенные в один раздел с конфискацией имущества, применяются не только к преступникам, но и к невменяемым лицам и потому фактически не являются уголовно-правовыми.

Положения УК РФ о конфискации в нынешней редакции во многом дублируют так называемую специальную конфискацию. Применительно к специальной конфискации речь идет об имуществе, которое использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации).

Основные сложности применения этого института в ситуациях, когда имущество, подлежащее конфискации, получено в результате совершения преступления или является доходами от этого имущества, состоят в доказывании принадлежности его виновному, а не третьим лицам и в отделении доли преступно нажитого от той части доходов, которая приобретена легально. Кроме того, постоянно меняется и, несмотря на это, подвергается критике перечень статей, по которым возможна конфискация, в связи с тем что далеко не по всем корыстным преступлениям она предусмотрена. Противники расширения этого перечня за счет корыстных преступлений ссылаются на то, что похищенное имущество должно возвращаться владельцу, а не конфисковываться [3, с. 32]. Следует отметить, что такой коллизии не возникает, когда речь идет о конфи-

скации как уголовном наказании, так как конфискуемое имущество не связывается с предметом похищенного.

Во многих зарубежных странах конфискация имущества предусмотрена и применяется, однако имеет разный правовой статус: как вид наказания (чаще дополнительного), как специальная конфискация (если имущество получено в результате совершения преступления или послужило орудием или средством его совершения), имеющая процессуальный характер. Интересен опыт Франции, практикующей так называемую вещную конфискацию – изъятие самого имущества, кому бы оно ни принадлежало (например, родственникам) [4, с. 23]. Зарубежных законодателей при этом не смущает, что бремя доказывания возлагается на владельца имущества.

Не всегда основанием для конфискации является совершение конкретного преступления. Так, в Великобритании Закон «О преступных доходах» от 2002 г. предусматривает конфискацию имущества на основании установления констатации преступного образа жизни лица, критериями которого являются:

- совершение одного или нескольких преступлений определенного вида;
- признание этого преступления частью общей преступной деятельности лица;
- длительность преступной деятельности не менее шести месяцев;
- получение за этот период преступного дохода в размере не менее 5 тыс. ф. ст.

[5, с. 198–199].

В 2017 г. в Великобритании был принят Закон о криминальных финансах, который ввел новый инструмент борьбы с коррупцией: приказы о раскрытии информации об имуществе неясного происхождения. Приказ может быть получен только в судебном порядке, его выдает Высокий суд Англии и Уэльса. Инициировать такое производство имеют право пять английских правоохранительных органов: Налоговая служба, Управление по финансовому регулированию и надзору и др. Наиболее активную роль в применении Закона на данный момент играет Национальное агентство по борьбе с преступностью. Закон прямо указывает, что неисполнение одного из требований приказа о раскрытии позволяет считать неисполненным весь приказ в целом. Неполнота информации также считается ненадлежащим исполнением. Недостоверный же характер информации может повлечь за собой уголовную ответственность.

Анализ практики применения конфискации имущества показывает, что дело не только в характере его законодательной регламентации, которая достаточно разнообразна, но и в уголовной политике по ее назначению и применению. В некоторых странах (например, в Китае) борьбу с коррупцией воспринимают как «серьезное политическое сражение, от которого зависит существование либо гибель партии и государства» [6, с. 170]. Такое же отношение к коррупции и существенные успехи в противодействии ей достигнуты в таких странах, как Сингапур, Гонконг, Тайвань, где принципами являются суровость и неотвратимость уголовного наказания вплоть до смертной казни. В этих странах наблюдается системный подход к антикоррупционной политике – от высоких зарплат чиновников до детальной регламентации и прозрачности их функционирования – установления параметров используемых чиновниками автомобилей определенных марок китайского производства с ограничением объема двигателя и стоимости, мебели в рабочем кабинете, командировочных расходов. Интересно, что в Китае нормативно предусмотрен строгий контроль за сферой питания с целью искоренения привычки оставлять на столах недоеденную еду. Уничтожение больших остатков еды после проведения банкетов рассматривается как повод к расследованию и привлечению к юридической ответственности [6, с. 176].

В России уголовная политика использования института конфискации имущества противоречива, так как выступающие за ее широкое применение сталкиваются с сильным сопротивлением. Это привело к многократному снижению числа случаев применения конфискации имущества. Так, если в 2003 г. конфискация была назначена 16 663 осужденным, то в 2017 г. – 2060.

Проблемы с применением института конфискации попытался решить Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 14 июня 2018 г. № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве». Принципиальными указаниями Пленума стали следующие:

1. Средства совершения преступления могут быть конфискованы по делам о преступлениях, перечень которых законом не ограничен. При этом нужно установить, что такое имущество находится в собственности обвиняемого.

2. При конфискации в первую очередь должен быть решен вопрос о возмещении вреда, причиненного законному владельцу имущества. При этом полученное в результате преступления и конфискованное имущество владельцу не возвращается, если тот был соучастником преступления, в связи с которым применяется конфискация.

3. Ценности, переданные в качестве взятки или предмета коммерческого подкупа под контролем оперативно-розыскных органов, возвращаются владельцу, если он потребовал это до передачи ценностей.

4. В целях конфискации может быть арестовано имущество, находящееся не только у подозреваемого, обвиняемого или лиц, материально ответственных по закону за их действия, но и у других лиц. Условие – достаточные основания полагать, что имущество получено в результате преступных действий либо использовалось или предназначалось для совершения преступления.

5. Арест на имущество может быть наложен, даже если личность подозреваемого или обвиняемого не установлена.

При наличии политической воли такие установки правоприменителя высшего ранга должны активизировать применение конфискации, однако пока этого не происходит. Существенных изменений в эффективности конфискации имущества, по мнению специалистов, можно добиться лишь путем возврата ей статуса уголовного наказания. Понимая это, 21 февраля 2018 г. ряд депутатов Государственной Думы разработал и представил законопроект № 396097-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части совершенствования института конфискации имущества (по вопросу применения конфискации имущества в качестве дополнительного вида наказания)».

В пояснительной записке к законопроекту говорилось, что, по данным официальной статистики, в период действия УК РСФСР 1960 г. применение конфискации составляло не менее 70 % от числа преступлений, за которые предусматривался указанный вид наказания, что выступало существенным сдерживающим фактором совершения преступлений. Отказ от конфискации имущества как вида наказания создал коллизии между отечественным уголовным законодательством и рядом общепризнанных международно-правовых актов, прямо предусматривающих применение конфискации к лицам, совершившим преступления. Составы преступлений, в результате которых причиняется реальный ущерб собственнику либо извлекается доход в крупном и особо крупном размере, в большинстве своем не попали в перечень, предусмотренный п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ. Данная регламентация вызывает наибольшее количество нареканий со стороны правоприменителей, так как не учитывает сложившейся в обществе кри-

миногенной обстановки и не обладает предупредительным потенциалом в отношении корыстных преступлений.

Законопроект предусмотрел возвращение в уголовное законодательство института конфискации имущества как дополнительной меры наказания за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, если на это прямо указано в санкции статьи.

Одновременно предполагалось сохранить существующую специальную конфискацию (денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения преступлений), а также другие виды конфискации, закрепленные в ст. 104.1 УК РФ. Однако при этом предусматривалось распространить существующие правила конфискации на все составы преступлений, имеющиеся в УК РФ. Действующие правила конфискации как иной меры уголовно-правового характера должны будут применяться лишь в случае совершения преступления, за которое не предусмотрена конфискация как мера уголовного наказания. Учитывая, что оба вида конфискации обладают различным механизмом уголовно-правового воздействия, комплексное применение данных мер является необходимым условием его системности.

Правительство Российской Федерации при рассмотрении законопроекта не нашло убедительных данных, свидетельствующих о проблемах в правоприменении положений гл. 15.1 УК РФ, а также о необходимости возвращения института конфискации имущества как вида уголовного наказания, и не одобрило законопроект. Не был он поддержан и Верховным Судом Российской Федерации, который в своем отзыве указал: «Приведенные в пояснительной записке статистические данные (соотношение количества осужденных в 2016 г. за взятку при отягчающих обстоятельствах – 1137 лиц – к лицам, в отношении которых применена конфискация – 22) не могут быть положены в основу вывода об эффективности действующего института, поскольку не в полной мере соответствуют официальной судебной статистике. По сведениям, полученным из Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, за получение взятки в 2016 г. осуждено 1334 лица, к 68 из них применена конфискация, при этом за получение взятки при отягчающих обстоятельствах, то есть в значительном, крупном и особо крупном размере, осуждено 447 лиц, из них конфискация применена к 22 лицам, а всего по статье 104.1 УК РФ имущество и другие указанные в норме предметы конфискованы у почти 2 тыс. осужденных».

Вряд ли приводимые доводы можно считать убедительными. Применение конфискации имущества к менее чем 5 % взяточников, совершивших преступление с отягчающими обстоятельствами, свидетельствует как раз о практически «мертвой» норме о конфискации имущества.

В результате до настоящего времени законопроект не рассмотрен Государственной Думой, а уголовно-правовой институт конфискации имущества остается в поле пониженной эффективности.

Анализ правовой природы этого уголовно-правового института, а также изучение правоприменительной практики (как отечественной, так и зарубежной) показывает, что конфискация в качестве дополнительного наказания могла бы стать действенной мерой. В условиях сокращения применения лишения свободы за экономические преступления все остальные наказания не смогут эффективно играть предупредительную роль и противостоять искушению быстрого и надежного преступного обогащения в качестве прочного основания обеспечения незыблемым капиталом себя и своих близких. Только риск в одночасье его потерять, а в результате и полностью утратить свой социальный статус может остановить коррупционера и разрушить финансовый фундамент организованной преступной деятельности.

Библиографический список

1. Назаренко Г. В. Политика противодействия коррупции уголовно-правовыми средствами // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. Т. 10. № 6. С. 129–134.
2. Краснов Ю. К. Институт конфискации имущества в уголовном праве России: уроки борьбы с доходами, полученными преступным путем, в оценке Верховного суда РФ // Право и управление. XXI век. 2018. № 2(47). С. 22–30.
3. Яни П. С. Применение норм о конфискации // Российская юстиция. 2006. № 6. С. 32–35.
4. Румянцева Ю. Н. Конфискация имущества и ее роль в совершенствовании законодательства об ответственности за злоупотребление должностными полномочиями в России и Франции // Пролог: журнал о праве. 2018. № 2. С. 20–28.
5. Взаимодействие международного и сравнительного уголовного права : учеб. пособие / отв. ред. В. С. Комиссаров ; науч. ред. Н. Ф. Кузнецова. М., 2009. 288 с.
6. Троцинский П. В. Нормативно-правовое регулирование борьбы современного китайского государства с коррупцией // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 2(63). С. 169–177.